

МЕЛЬНИК ВИРСАВИЯ

19.09.1985

ЧУДО СРЕДИ РАЗВАЛИН

Вирсавия Мельник

Чудо среди развалин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70509238

SelfPub; 2024

Аннотация

19 сентября 1985 года в Мехико произошла катастрофа. Мощное землетрясение смело город ровно в 7:18 магнитудой 8,1 по шкале Рихтера, и 7,1 на следующий день. По некоторым подсчетам там погибло около 10 тысяч людей, 30 тысяч получили серьезные ранения, 250 тысяч остались без крова и 900 тысяч вынуждены были проститься со своими домами. Основной удар пришелся на район Мехико, где находились больницы и родильные дома. Причиной послужил разрыв в тектонической плите Кокос. Бедствие повергло весь мир в трепет. Это землетрясение стало одним из самых трагических в истории Америки. Через неделю активных поисков погибших, спасатели нашли десять малышей, которые оказались целыми и невредимыми. Этого никто не мог объяснить и понять. Доктор Холден (слова которого включены в рассказ), обследовавший их после спасения, ничего не мог заключить логично обоснованного, кроме: «Это чудо!»

Вирсавия Мельник

Чудо среди развалин

I

В Мехико заканчивался очередной жаркий и знойный день. Алый диск солнца спешит скрыться за холмы Сочимилько. Его последние, особенно теплые лучи озаряли небосвод в самых разных оттенках: от светло-сиреневого до ярко-оранжевого. Темные силуэты высоких деревьев, незаурядных хижин были обведены тонким золотом. Узкие каналы, слившиеся с этой картиной и напоминавшие о богатой, длинной истории этого места, ещё старались уловить прощальные огоньки великого светила. Тихую водную гладь иногда беспокоили небольшие лодки – трахинерас. От них доносились смех, веселые разговоры и слабые звуки ансамблей марьячи.

Так, тихо и спокойно, проходил вечер на окраине Мехико. За этим восхитительным видом наблюдала молодая женщина, стоявшая на балконе своего дома. Она давно не видела этих мест, с которыми было так тесно связано её детство. Её круглое смуглое лицо обвивали темные кудри, небрежно уложенные в хвост, и которых нежно ласкал вечерний ветерок. Она молчала и смотрела. В её глазах было выражено

некое чувство беспокойства и боли. Что-то предчувствовало сердце будущей матери. Под ним жила и росла новая жизнь, которая готовилась уже появиться на свет. Женщина нежно провела по животу рукой и ласково на него посмотрела. Это мгновение было настолько прекрасным! Вся красота и величие Божественного творения отразились в нём...

– Дорогая, тебе не холодно? Под вечер здесь холодает, – прервал сладкие минуты внезапно появившийся в дверях супруг. – Может я принесу тебе накидку? – продолжал он.

Она медленно повернулась к нему лицом и еле заметно кивнула.

Через секунду мистер Стивенс появился с клетчатым большим платком. Подойдя к своей любимой, он легонько накинул его на её плечи.

– Успокойся, – сказал он, и в его голосе почувствовалась нотка раздражения. – Нам здесь будет лучше. Вот увидишь. Тем более, это твоя родина. Ты всегда, сколько я тебя знаю, мечтала прогуляться по знакомым улочкам, покататься на лодке по каналу, услышать старую мексиканскую песню. Гертруда, я же стараюсь для нашего счастья, чтобы нам было хорошо!

– Не знаю... – с горечью печали ответила она. – Я предчувствую что-то неладное... Не нужно нам было сюда приезжать... – всхлипывая, добавила молодая женщина.

– Гертруда! – повысил голос мистер Стивенс.

– Уильям, скажи: разве стоит из-за своего убеждения от-

казываться от всего?! Разве стоит отказываться от своей родной семьи только потому, что ты не согласен с ними в некоторых вопросах?— сказала Гертруда, уже смело глядя на мужа мокрыми глазами.

— Ты опять за своё!— вскричал мистер Стивенс.— Сколько можно наступать на одни и те же грабли?!... Да, я- атеист! И ты это прекрасно знаешь... Я- атеист, Гертруда! И я не могу более терпеть всё, что связано с Богом, включая и моих родителей!... «Христишки!»— передразнивая и не без злости произнёс он.— Я было надеялся, что переехав, не услышу о них... но нет, я ошибался!— с этими словами ушёл, громко хлопнув дверью.

Гертруда осталась на балконе одна. Она тихо опустилась на скамейку и с тем же выражением лица продолжала наблюдать за закатом.

II

На следующий день миссис Стивенс застала своего мужа в гостиной, рассматривавшего её медицинскую карту матери. Он с неким умилением глядел на мутные снимки УЗИ, пытаясь хоть что-то понять. Уильям то хмурился, сосредотачивая своё внимание, то улыбался. Смотря на это, улыбалась и жена, не давшая знать о своем присутствии. Немного погодя, она тихо ушла в спальню. Усталость от недавнего переезда ещё не прошла, и будущей матери нужно было отдохнуть...

III

Миссис Стивенс резко открыла глаза и поднялась с постели, стараясь перевести частое дыхание.

Вечерело... Комнату наполнил полумрак... Холод и мурашки пробежались по спине бедной испуганной женщины...

С первого этажа доносились звуки радио. Наверное, Уильям Стивенс включил его, чтобы послушать новости.

Гертруда с трудом встала и, опираясь о стену, а затем о перила лестницы, опускалась к мужу. Звуки радиопередач становились всё громче и отчётливей. Там сменяли друг друга то эстрадные исполнения, то реклама, то объявления, то новости, где говорилось то о жителях Нью-Йорка, то о экономического политике в Европе, то о каких-то сейсмических наблюдениях в районе Северо-Американской плиты и многое другое, но их никто не слушал...

– Уильям... – протянула слабым голосом Гертруда, спускаясь с последней ступеньки.

– Гертруда?... – удивился тот. – Гертруда, что с тобой? Тебе плохо? – подбежал обеспокоенный видом своей жены мистер Стивенс.

– Ай-й-й!... – с болью простонала она, ухватившись за низ живота. Ей было тяжело дышать и стоять.

Мистеру Стивенсу не нужно было других слов. Он, кажет-

ся, догадался в чём проблема. Его сейчас переполняли самые разные чувства: удивления и тревоги, ответственности и великой радости. Но, сумев себя собрать, быстро и аккуратно усадил свою супругу на диван в прихожей.

– Вот, вот... так...– усаживал он её.– Вот водичка. Возьми! – предложил.– Так, всё будет хорошо! Ты самое главное не волнуйся! Ладно?– заботился глава семейства.

Его лицо убеждало о полной готовности к любому подвигу, а глаза ловили любой жест миссис Стивенс.

– Да, да, да! Сейчас скорую... скорую вызову!– прокричал он, подбегая к телефону в соседней комнате. Движения его, хотя были чуть-чуть рассеянными, в то же время являлись энергичными и быстрыми.

Что было далее Гертруда помнила уже мутно, поскольку боли оглушили всё. Перед нею бегали и суетились люди в белом, её куда-то отводили, несли, перевозили; где-то появлялось и обеспокоенное, бледное лицо мужа...

Не будем вдаваться в подробности, что происходило далее. Это, действительно, нечто ужасное и, одновременно, нечто весьма трогательное и прекрасное.

IV

Наступил уже второй час ночи, но это время не учитывалось.

Совсем недавно прекратился женский вопль в стенах ро-

дильного отделения... Около получаса спустя в длинном коридоре появился врач. Он подошёл к мужчине, который не переставал ходить взад вперёд, явно о чём-то переживая.

– Мистер Стивенс?– спросил он, подойдя к нему.

– Да, я!– ответил тот, выражение лица которого резко изменилось с появлением медика. Он как будто приободрился. В глазах, направленных на гинеколога, просиял луч надежды и счастья, которое, казалось, вот-вот выльется наружу.

– Я- доктор, принимавший у вашей супруги роды,– объяснил первый. – Роды прошли успешно, и я спешу вас обрадовать. У вас родился мальчик!

– Правда?! Доктор, это так?– с мистером Стивенсом случилось то, что было предсказано выше.– У... У меня мальчик?– спрашивал он, хотя сам до конца не понимал был ли это вопрос или это было удивление в вопросе. Молодой человек, только что ставший отцом, смеялся и плакал одновременно. Он готов был обнять весь мир. Он был самым счастливым человеком на планете (по крайней мере, так считал).

Теперь при всяком новом вопросе и уточнении, обрадованный, он хватал за плечи доктора, и глядя такими большими глазами на него, спрашивал, и спрашивал, и спрашивал. Стараясь уловить каждое слово, слетевшее с уст медика, мистер Стивенс затаивал дыхание, пытаясь перевести дух, успокоить kloкочущее сердце в груди, но этого ему не удавалось.

– А как она? Как Гертруда? А... а малы... малыш?...

Он возле неё, возле мамы?... Можно ли увидеть?... Как?... А что мне делать?... Что простите?... Когда?... Но я... А она... И он...— были слышны громкие реплики Уильяма Стивенса, которые сменялись тихими и точными объяснениями врача, который был также рад, что принес «благовую весть».

— Но вы не беспокойтесь,— продолжил медик,— мы тщательно будем следить и за матерью и за ребенком, а вы езжайте домой и отдохните...

— Да как же я могу?— прервал его молодой отец.

— Роды совсем измучили вашу супругу. Они были не из лёгких. Ей нужно время, чтобы прийти в себя... А вы езжайте, езжайте,— настаивал доктор.— Вы тоже устали и время позднее... Вам нужно сообщить, наверное, об этом событии родителям, вашим близким.

— Ах, да... да, конечно,— немного расстроившись и опустив глаза, произнес мистер Стивенс.— Можно ли взглянуть? На одну секунду?

Доктор под всеми уговорами сдался и провел Уильяма к палате. Гертруда спала, рядом с ней в кувете спал их малыш. Мистер Стивенс старался быть максимально тихим, но шелест бахил на зло шумел, словно гром. Гертруда открыла глаза. Уильям с мировым сожалением сказал:

— Прости...

Жена слабо ему улыбнулась.

— У нас сын,— произнесла она.

– Да, я знаю,– признался он шепотом и нежно поцеловал ее в лоб.– Ты моя любимая. Я не могу найти слов, чтобы сказать, как я рад!

– Скажи об этом родителям,– попросила Гертруда.

– Да, конечно. Не волнуйся.

Доктор дал Уильяму знак.

– Прости, мне пора, – прощался супруг.– Обещай отдохнуть и набраться сил. Доброй ночи! Доброй ночи, мой герой,– пожелал Уильям маленькому комочку.

Гертруда на прощание только улыбнулась и прикрыла глаза.

Уильям сердечно отблагодарил доктора, простился с ним, обещая через несколько часов вернуться, и отправился домой усталый и радостный.

V

Вскоре за двою дома молодой семьи Стивенс забренчали ключи. Дверь открылась и в дом вошёл Уильям. Он сразу же включил подсвечник, бросил ключи на полку возле часов, которые показывали 5:00 утра, и стал снимать пиджак, обувь; как вдруг его взгляд остановился на стене, освещённой слабым светом. Там был маленький календарик, на первом листе которого было написано: 18 сентября 1985 год. Мистер Стивенс внимательно всмотрелся в этот листок и усмехнулся. Его глаза заблестели. Он медленно погрузился в

свои мысли, продолжая раздеваться. После поднял глаза на календарь и выдернул первый листок, выбросив его в урну. Теперь показалась другая надпись: 19 сентября 1985 год.

Уильям подошёл к телефону, взял трубку и протянул уже руку к циферблату, чтобы набирать номер, но... но он остановился. Что-то помешало ему... Давно не набирал он этот номер. Давно не слышал голоса на другом конце провода. Давно... Давно... Прошла минута долгих раздумий и он решился.

Гудки... Гудки... Гудки...

В этот момент в небольшом домике, находящегося в углу переулка Сан-Антонио, раздался телефонный звонок, поднявший на ноги всех жителей этого скромного жилища. Откровенно говоря, жителей было немного- всего двое: он и она.

К телефону подошла пожилая женщина. Её седые волосы были аккуратно уложены в причёску, напоминавшую причёску добрых английских бабушек XVIII века. На тонком носе сидели очки. Можно было заметить, что телефонный звонок оторвал её от чтения какой-то явно интересной, трогательной книги, след которой остался на слегка покрасневших глазах.

– Алло, – сказала она.

Последовала пауза.

– Алло. Да, я вас слушаю, – продолжала женщина.

– Мам, это я... Здравствуй, – услышала она.

– Сынок!– с радостью воскликнула седая дама. Её глаза просветлели и возле них появились складки кожи, собранные улыбкой.– Как ты, милый? Как твоя жёнушка? Как она себя чувствует? Ох, как долго я не слышала твоего голоса!

Услышав радостные возгласы жены, старший мистер Стивенс выбежал к ней из гостиной в надежде услышать хоть что-то о сыне.

– Всё в порядке...– продолжался разговор.– Я позвонил вам, чтобы сообщить, что у вас родился внук.

– Правда?! О, Боже! Как мы рады за вас! Дональд, ты слышал? У нас внук! – обратилась мать к отцу, который проявлял свой восторг только тихой улыбкой.– Уильям, мы за вас очень и очень рады!– вернулась она к сыну.– Пусть Господь благословит вашу семью! Это самый прекрасный подарок от Него! Это же чудо! Это же маленькое, крошечное чудо! А как сама Герт...– не дали ей закончить гудки положенной трубки. Она с грустью посмотрела на мужа и тихо положила телефон на место.

«Как же они мне надоели!– сказал про себя Уильям, не желавший более продолжать разговор.– Неужели можно верить в существование какого-то Бога, да ещё просить у Него... Как она сказала?... Благословений? Да ещё утверждать, что это, дескать, Его подарок?– он нервно схватил со стола пачку сигарет и, расхаживая по комнате, закурил. Сигаретный дым ядовито таял в воздухе. Его клубы появлялись одни за другим, сменяя друг друга в сумраке, ровно как и

мысли курящего. – Его же никто никогда не видел! Учёными это уже по сотому кругу доказано: всё, что нас окружает произошло в результате многочисленных превращений... И это доказано... И это логично. А они?... Мой ребёнок – «это подарок от Бога»... – передразнивая он слова матери. – «Подарок»! Да этот «подарок» люди сами себе делают, а, если не хотят, не делают... Всё подвластно человеку... Всё... Всё...» – завершал свои рассуждения Уильям, гася сигарету в пепельнице.

Его глаза сильно тяжелели, а в теле чувствовался ной усталости, поэтому, только плюхнувшись в кресло, Стивенс сразу уснул.

VI

Гертруда резко открыла глаза и стала с тревогой рассматривать палату, где она лежала. Что-то потревожило её сон. Глубинный гул. Он резко появился и резко утих. Утихла вскоре и молодая мама. Она повернулась к маленькой кроватке, где спал её малыш. Облокотившись об поручни кушетки, Гертруда любовалась своим чадом. Он также отдыхал после тяжёлой ночи. Его детскому сладкому спокойствию ещё явно противоречило красноватое и слегка сморщенное личико. Нескончаемая радость наполнила материнское сердце.

VII

– Дональд, я думаю, что нам стоит помолиться за наших детей. Они сейчас нуждаются в этом особенно... Я это чувствую...– предложила старушка своему супругу, мистериу Стивенсу, после неожиданно прерванного разговора с сыном.

– Да, ты права,– ответил тот.

Старики тут же преклонили колени, ставши друг против друга, сложив руки и прижав их к груди. Они молились... Они молились тихо, шепотом... Губы их часто содрогались под влиянием того состояния, которое наполняло их души, а из-под покорно опущенных век катились слёзы кристальной чистоты, отражающие лучи поднимающегося щедрого солнца, заглянувшего в окна небольшого домика переулка Сан-Антонио.

– Дорогая, думаю, что нам нужно позвонить Уильяму,– сказал глава семейства после окончания молитвы.– Мы должны идти на контакт с ним, не зависимо от его выходов. Он сейчас многое не понимает... А если мы ничего не сделаем, чтобы наладить наши отношения, то это ничем хорошим не кончится.

– Дональд, ты- мудрый человек. Сделай так, как считаешь нужным, – согласилась жена.

– Я должен сейчас же ему позвонить и поговорить с ним,– решил Дональд Стивенс радостно и уверенно. Он поднялся

с колен и подошёл к телефону.

VIII

Часы показывали ровно 6:40. Уильям Стивенс давно проснулся и собрался, чтобы отправиться в роддом, где он ожидал самой прекрасной встречи.

Зазвонил телефон.

Уильям поднял трубку:

– Да!...

– Здравствуй, сын!– послышался голос отца.

– Ну, здравствуй, здравствуй...– неохотно поприветствовал его Уильям. – Что нужно?

– Я позвонил тебе, чтобы просто сказать пару слов,– отвечал Дональд Стивенс. – Знай, что мы с матерью очень любим тебя и твою семью, и молимся за вас,– произнёс он, и его голос слегка задрожал.

– Ох-х-х!– вздохнул Уильям, закачивая глаза.

– Я верю, что всё поменяется в лучшую сторону, что Господь будет участвовать в твоей жизни, и ты поймёшь... ты многое поймёшь. И это будет чудо... Настоящее чудо. Чудо, которое разрушит твою прежнюю жизнь и будет строить новое... новое творение...

– Ты всё сказал?– перебил его сын. Последовала пауза. – Ну, вот и славненько!– грубо сказал он и положил трубку.

6:48.

Уильям Стивенс немного нервный вышел из дому. Он сел в автомобиль и поехал в столицу.

6:48.

6:49.

6:50.

6:51.

6:52.

6:53.

6:54.

6:55.

6:56.

6:57.

6:58.

6:59.

7:00.

7:01.

7:02.

7:03.

7:04.

7:05.

7:06.

7:07.

7:08.

7:09.

7:10.

7:11.

7:12.

7:13.

7:14.

7:15.

7:16.

7:17.

7:18.

IX

7:18.

Началось нечто невероятное и ужасающее...

Небо покрылось темными, холодными оттенками.

До Мехико не доставало пару верст. На центральной авто-трассе все водители в страхе остановились. По шоссе пошли большие трещины. Землю зашатало. Люди выбегали из машин кто куда. В хаосе слышны были визги тормозов и звуки разбивающихся фар и стекол, плач детей, крики взрослых. Всё, что было на обочинах ходило в разные стороны. От сильной тряски рвались провода электрических столбов, а сами они сваливались: одни- на близ находящиеся постройки, другие – на автомобили на дороге.

Один из них падает на машину мистера Стивенса. Он пробил крышу, разбил лобовое стекло, полностью изуродовал правую половину. Благо, что это не было водительским местом, и Уильям остался в живых, хотя и получил серьезные

ранения. Ему удалось выйти из машины, но попытки найти более безопасное место не увенчались успехом. Его валило на землю, он не мог удержаться толком на ногах. Левая рука со всей силы сжимала плечо правой, а из-под пальцев струилась кровь и свисали куски мышц. Мистер Стивенс вскоре полностью обессилел, упал и...

X

7:18. В Сан-Антонио.

– Господи, просим, научи их, покажи им любовь Твою, сотвори в их жизни чудо, чтобы они обратились к истине, чтобы они обратились к Тебе, и узнали, что такое подлинная радость и что такое подлинный покой... – молился Дональд Стивенс со своей женой, стоя на коленях.

XI

7:18.

Снова сильный и глухой стук. На сей раз это не было похоже на случайность.

Гертруда с трудом приподнялась с постели.

Ещё стук... Ещё...

Всё тело прошлось дрожью. В палате был сумрак, стало прохладно. Только через стеклянные части дверей поступал тёплый жёлтый свет ламп, освещающих весь коридор.

Ещё стук. На стене показались трещины. Само здание зашатало. В больнице поднялись крик и беготня. Можно было разглядеть через стекло дверей, что медсестры сильно засуетились. Они в испуге кричали, что было силы:

– Mas rapido!... Mas rapido!... Corur a la salida! (с. исп. - Быстрее!... Быстрее!... Бегите к выходу!)

Их призыв сменялся дикими возгласами ужаса от сваливающихся потолков и полов.

Гертруда встала. Её сын также испугался и начал плакать. Молодая мама поспешила в коридор, чтобы выяснить, что случилось и, чтобы попросить о помощи... Но он был уже пуст... На полу валялась отпавшая штукатурка от стен и потолков, которые устилались пробоинами.

Женщина, недоумевая, медленно попятилась дальше. Она не понимала, что ей делать. Вдруг послышались приближающиеся стуки. То был бегущий человек. Из-за угла выскочила медсестра. На ней не было лица и вся она дрожала, как осиновый лист. Увидев Гертруду, она приостановилась.

– М... м-м... м...– пыталась она что-то сказать, показывая в ту сторону, откуда бежала и к другим дверям, размахивая руками, и, не дождавшись никакой реакции, помчала дальше.

Стук. Почувствовалось, как под ногами железо-бетонный гигант пришёл в движение.

Из соседних палат доносились плачи детей.

– Господи!...– прошептала изумленная Гертруда, схва-

тившись обеими руками за голову. Она поняла.

О, как бы ей хотелось, чтобы это был всего лишь какой-то страшный сон, пробудившись от которого, всё бы стало на свои места. Но, увы... Это была реальность, суровая реальность.

Во мгновение она спохватилась: нужно было что-то делать, нельзя оставаться в бездейственности.

«Бежать! Спасать!— мелькнуло в её голове.— Но как?... Куда?... Что же я смогу сделать?— мысленно опустила она руки.— Но сейчас нет времени на раздумья! Каждая секунда дорога!— решила и вбежала в первую попавшуюся дверь, откуда доносился детский плач.— Что же это? Здесь только одни испуганные малыши. Где же их матери? Неужто это отказники?» — поражалась молодая женщина.

Она схватила первого малютку из кувеза и вместе с ним выбежала обратно в коридор. В недоумении как дальше быть, остановилась. Глаза жаждущие заметить хоть что-то, где можно было бы оставить ребенка в безопасности, наполнились слезами. Новорожденный плакал, скривив покрасневшее лицо, а молодая мать терялась от страха. Просматривая очередной раз помещение, она заметила большие двери. Как и куда они ведут было неизвестно, но толстый, широкий их проём обрадовал ее. Гертруда побежала туда. Она сдернула со своих плеч накидку и постелила её одной рукой на порог у тех дверей. Оставив там ребёнка, поспешила за другим. Постоянные сильные боли внизу живота, хождение

стен, пола, потолка мешали ей сделать это быстрее.

Вскоре она появилась с другим малышом, прижимая его к груди. Через минуту принесла третьего и также нежно уложила его, возможно, возле его братьев.

Слышались всё новые и новые стуки... Везде появлялись всё новые и новые трещины. С потолка всё время сыпалась какая-то ядовитая пыль, куски цемента...

И вот опять здание сильно пошатнуло. Это бедную женщину полностью сбило с ног. Начали показываться сквозные дырки. Всё падало и разбивалось. Тумбы, столы переворачивались вверх дном. Различные медицинские документы давно были разбросаны по земле.

Собрав все силы, Гертруда поднялась; ей предстояло ещё многое сделать. В глазах туманилось, по грязным щекам текли реки, ноги косились, путались, но она шла дальше. Женщина принесла уже седьмого малыша. Казалось, что она вот-вот упадёт, полностью ослабев...

За всё это время Гертруда что-то умоляюще, еле слышно говорила. Вопить от страха не хватало сил и духу.

Она вошла в другую палату. Там тоже были дети, там тоже плакали. Окна в помещении уже не было: его выбило. Кругом валялись тысячи осколков стекла. Одна из стен разделась на двое и собиралась полностью рухнуть. Здесь находилось двое новорожденных. Миссис Стивенс тут же бросилась к ним. Взяв их двух с кроваток на руки, устремилась к выходу. Каждая секунда была на счету; стена могла свалить-

ся в любой момент. Как только Гертруда перешагнула порог, как пол отпал и три четверти этого помещения с сильным грохотом повалилась вниз.

Женщина поторопилась в следующую палату; ведь там было её сокровище, которое нуждалось в ней сейчас как никогда. Теперь можно было услышать по отчётливей, что слетало со слезами с её уст:

– Господи! Господи! Я знаю, что Ты есть! Я знаю, что Ты всё можешь! Поэтому прошу, если Ты меня слышишь, прошу помощи!– горечь душевой боли душила её. Она ковыляла по кускам камней и штукатурки коридора, обнимая крепко свою крошку.– Если Ты меня слышишь,– продолжала Гертруда,– прошу, сохрани наши жизни!

Каждый шаг ей становился труднее и труднее, а коридор невыносимо длинным. Она всё повторяла эти слова то вслух, то в уме, то шепотом, то сердцем.

Опять пошли сильные толчки.

Стало темнеть. Постепенно погашались одна лампа за другой. Миссис Стивенс уже едва видела куда идти и где можно наступить.

Наконец она дошла до своей цели. Освободив из своих объятий сына, мать поцеловала его и аккуратно уложила возле других.

Гертруда тут же упала на колени (виною были и слабость и состояние души). Она сложила руки, оперлась ими о запыленный пол и приложила к ним голову.

– Господи! – снова взмолилась она. – Прими мою молитву сейчас. Сколько я слышала о Тебе, о любви и милости Твоей, но что-то удерживало меня стать на колени... Теперь я искренне сожалею об этом. Отец мой!... Я раскаиваюсь в том, что сделала не так перед глазами Твоими... Знаю, что... что много совершала не совсем хорошее и... и заслуживаю смерти, но эти дети... Они не виноваты... – её тело затряслось от плеча. – Боже, Бог мой, Бог любви и добра, не о себе прошу, недостойна, а о детях. Они только маленькие чистые страницы... Господи! Если Ты есть, умоляю, соверши чудо...

Мать умолкла обливаясь слезами.

Неподалеку снова с грохотом повалилась вниз часть здания.

Прошло не более минуты и Гертруда вновь услышала крик ребёнка.

– Как? Неужели я кого-то упустила? Нельзя никого оставлять! – сказала она и, еле встав, отправилась на поиски. Ей было тяжело идти в темноте, и она ориентировалась только на звук. Женщина была сильно измучена, поэтому едва плелась, держась за стены.

Она никак не могла дойти до него, хотя с каждым шагом плач становился всё громче. Так миссис Стивенс дошла до другого отделения, но всё таки до малыша было далеко...

Раздался звук соразмерный одновременному fortissimo пятидесяти геликонов, взявших самые разные ступени гаммы. Бедная Гертруда не видела, что происходит, но почув-

ствовала, что как будто её что-то толкает к стене ближе, ближе... Вместе с ней туда покатались все булыжники, обломки мебели... Её стопу зажало между двумя обломками стены. Как освободится она не понимала, не видела и не успела. На голень обрушился новый обломок. Гертруда повалилась навзничь. Её нога оказалась освобождённой от каменного плена. Она обрадовалась, что сможет пойти дальше. Гертруда попыталась встать. Ей это не удалось. Она вдруг поняла, что не чувствует вовсе свою ногу. Женщина решила для верности прощупать конечность. Саму стопу она не ощутила. Вместо нее была только теплая вязкая жидкость... Но детские крики не умолкали. Сейчас они стали истерическими... Ему было больно. Ему было жутко больно... Сердце матери разрывалось на части...

Построение не прекращало наклоняться, и каждый новый удар помогал ему скорее пасть... И оно упало...

XII

– Le puede dar amoniaco? (с. исп. – Мажет дать ему нашатырь?) – кто-то спросил у врача.

– No, abstenerse, – ответил тот. – Hay casas mas severos, – продолжались их дискуссии над каким-то пострадавшим в соседней палатке помощи. (с. исп. – Нет, воздержимся... Есть более тяжёлые случаи.)

– Ven aquí... Ven aquí! (с. исп. – Идите сюда... Идите сю-

да!) – звали кого-то.

Кругом кипела работа. Медсестры, врачи, спасатели и просто добровольцы делали всё возможное, чтобы спасти как можно больше людей после землетрясения.

Палатка помощи, где лежал мистер Стивенс была небольшой и через узкую щель приоткрытого входа пробирались тёплые, сочные лучи солнца.

Уильям точно не понимал, что стряслось и где сейчас находится. Он хотел встать, но сильные боли в правой руке и в области висков опрокинули его назад. Теперь он обратил внимание, что плечо правой руки и голова туго обвязаны бинтами.

Немного погодя, Уильям Стивенс повторил попытку. На сей раз она оказалась удачной. Немного покачиваясь, но всё же держа равновесие, он попятился к выходу.

Только его нога ступила за пределы палатки, дальше он сдвинуться не мог. Уильяма шокировало то, что он увидел. Перед ним на десятки метров кругом были сплошные развалины; кое-где торчали полуразрушенные стены каких-то зданий. Всё: кирпичи, камни, куски досок, металла, тряпьё и многое другое валялось по кругу вперемешку.

По булыжникам снуряли туда-сюда люди в жёлтых спецовках с шлемами и с инструментами. Они рылись, копались, искали в глыбах клады...

Мистер Стивенс посмотрел по сторонам в поисках хоть какого-то ответа на мучивший его вопрос: «Где я и что слу-

чилось?» Теперь он заметил много раненых, покалеченных и без умолку рыдающих людей. За ними ухаживали медперсонал и еще какие-то люди. Там же была установлена не одна палатка, похожая на ту, из которой он только что вышел.

В то время, пока происходил смотр обстановки к нему подошел молодой человек. Он был крепок собой и ярым оптимистом. Не смотря на это ужасное окружение, добродушие и приветливость не покидали его.

– Buenos días! Como estas? (с. исп.– Доброе утро! Как вы?)– спросил он на испанском.

– Прости, но...– пытался выговорить Уильям.

– О, вы американец!– оборвал его юноша.– Простите, я не знал об этом. Тогда: Доброе утро! Как вы?– переспросил он.

Удручённый взгляд мистера Стивенса дал ему всё понять.

– Скажи мне, будь добр, где это я и что это такое?– спросил Уильям.

Молодой человек тяжело вздохнул и ответил:

– Четыре дня назад было сильнейшее землетрясение, результат работы которого вы видите сейчас перед собой,– юноша указал рукой на руины.– Вас нашли без сознания. У вас было глубоко ранено правое плечо...– продолжал он.– Вы потеряли много крови, и к тому же ваша голова также была не совсем цела... К сожалению, почти все пострадавшие в подобном состоянии...

– Четыре дня назад?– удивлённо переспросил Уильям Стивенс.

– Да, именно так... – услышал он в ответ.

– Что же это за развалины?

– Это один из бывших кварталов Мехико, сэр.

– Неужели я так долго находился без сознания?

– Вы были очень слабы, сэр, – с успокоительным тоном сказал молодой человек.

– А где вы меня нашли? Простите, я просто пытаюсь сложить картинку... Я чувствую, что куда-то спешил и мне сейчас тоже нужно туда, в это куда-то. Но, увы, не вспомнить... Провалы... Муть... – выговорил пострадавший, пытаясь как можно сильнее сконцентрироваться.

– Мы вас нашли недалеко от шоссе, ведущее в Мехико, – ответил собеседник.

– В Мехико... – повторил Уильям, всё также напрягая память. – Мехико! Гертруда! Ребёнок! – с просветлением на лице крикнул он. – О, нет! Этого не может быть! Что же?... Как?... – уже недоумевал мистер Стивенс.

– Сэр, с вами всё в порядке? – поинтересовался доброволец.

– Нет, со мной всё не в порядке! – злобно и отчаянно, и в то же время рассеянно и нервно возразил тот. – О, что же мне делать теперь? Куда идти? Где они могут быть? – ухватился он за голову, которая и так бесконечно болела. – Стой! Ты знаешь где находится роддом в городе? – обратился теперь к юноше.

– Мистер Стивенс, этого здания больше нет...

– Что?– кратко переспросил Уильям, пытаясь подавить нарастающую тревогу.– Как это нет?– эти вопросы он задавал зря, поскольку догадался почему. Его душили слезы...– Отведи меня туда!– вырвалось просьба из его груди.

Больше получаса они шли, ломая ноги по развалинам. Им встречались такие же группки спасателей и палаточные городки. Уже нельзя было сказать, что здесь когда-то стоял большой город – столица Мексики.

Мистер Стивенс и молодой человек шли молча. Второй – потому что понимал как тяжело пострадавшему, а первый – потому, что не мог понять как это могло случиться его жизни. Всякая беда нам кажется не такой уж страшной, пока она не затронет нас самих. Уильям до конца не верил ни тому, что услышал, ни тому, что увидел. Он до последнего надеялся, что вот они дойдут до родильного дома и окажется, что та часть города полностью уцелела, или, по крайней мере, он рано или поздно откроет глаза и удивится, что это только сон и весь этот ужасающий кошмар испарится с появлением первых лучей солнца.

К сожалению...

Они дошли до того места, где раньше стояло лечебное учреждение, и там открывалась такая же картина, как и везде.

– Нет! Нет! Этого не может быть! – заорал не своим голосом Уильям Стивенс, не веря своим глазам.– Этого не может

быть!— повторил он и его борода невольно содрогнулась, а во взоре погас последний отблеск надежды. По щекам мужчины потекли слезы отчаяния. Мужчина рыдал.

Его спутник от всей души желал ему помочь, но ничего более лучшего не найдя, просто наклонился, обнял и сказал.
— Да пребудет с вами Господь.

Адресат этого пожелания не ответил, находясь не в состоянии что-либо сказать; хотя, если бы он услышал эту фразу как-то пять дней назад, то яростно начал бы высмеивать своего оппонента и спорить с ним.

После сказанного юноша удалился, поняв, что этому плачущему, угнетенному горем человеку, нужно уединение, и заранее предупредив, что в любое время он может попросить о помощи и она будет оказана.

Невозможно сказать точно сколько Уильям провел времени в том положении, в котором оставил его тот добрый человек.

Позднее его часто видели бродящим у развалин родительного дома. Бывало, что он останавливался и часами впивался взглядом в какой-нибудь булыжник, погруженный в далекие и томительные раздумья.

— 19 сентября этого года в Мехико произошло землетрясение с магнитудой 8,1 по шкале Рихтера,— прервал череду мыслей голос корреспондента, рассказывающего в объектив камеры трагические новости. Он медленно повернул к нему

голову и прислушался о чём тот будет говорить.— На следующий день прослеживались подземные толчки силой 7,1. Два этих землетрясения нанесли сильнейший урон. Многие люди остались без крова и около 8 000 лишились жизни, но это только временные данные. Спасатели считают, что это число может возрасти до 10 000, так как под обломками зданий есть ещё множество жертв катастрофы .

Сейсмологи уверены: эпицентр локализован в области тектонической напряжённости между Северо-Американской плитой и плитой Кокос в 320-и километрах от Мехико. Следовательно, мегаполис пострадал.

Сейчас за моей спиной вы можете увидеть руины разрушенного родильного дома. К большому сожалению, новорожденным, матерям и сотням медицинских работников не удалось выжить. На этом месте активно работает служба спасения в надежде найти хоть малейшие признаки жизни, но пока безуспешно. Та же работа проходит сейчас у Больницы Хуареса и у Главного госпиталя, которые сильно повредились.

Корреспондент остановился и отошёл в сторону, чтобы оператор смог снять на видеокамеру всю эту мрачную панораму, как подтверждение подлинности ранее сказанных слов.

– Снял?– спросил он у своего сотрудника через пять минут ожидания в стороне. На что тот положительно кивнул головой.— Пойдём теперь в палаточный городок и снимем

там,— предложил первый и они вместе скрылись среди пострадавших, медиков и добровольцев.

Слова корреспондента для мистера Стивенса послужили источником информации о том, что происходило несколько дней назад и происходит сейчас.

«Новорожденным и матерям не удалось выжить...»— как эхо пронеслось у него в голове. Это стало для Уильяма самым мощным ударом.

Он всё бродил как тень, не ел, не пил и не знал, что дальше делать.

Его зарегистрировали в лагере спасения, где за ним следили по необходимости.

Члены спасательной группы всё же находили под камнями маленьких детей, но одни были с серьезными и опасными для жизни травмами и через несколько часов умирали, другие умирали сразу после спасения, третьи вовсе не были похожи на детей, а имели вид только размозжённого куска мяса. И это обстоятельство всё ниже и ниже опускало руки всех, кто принимал участие и желал услышать хоть что-то радостное.

XIII

Прошло два дня...

Положение и обстоятельства не изменились: всё с таким же успехом продвигалась работа у развалин; всё также воз-

ле них ходил убитый горем Уильям Стивенс. Он не менял своего поста. Люди, которые работали там, были обеспокоены поведением этого человека. Посовещавшись между собой, они послали, в качестве представителя своего решения, одного добровольца поговорить с ним.

– Мистер Стивенс... – тихо сказал он, подходя сзади. Уильям обернулся к нему. Как же он изменился за эти два дня! Лицо его исхудало и сделалось землянисто-серого цвета, глаза потемнели и впали, окружённые тяжёлыми мешками. – Мистер Стивенс, давайте мы с вами поговорим, – предложил первый, пытаясь увлечь его с собой в другое место.

– Я никуда с вами не пойду! Оставьте меня в покое! – нервно возразил Стивенс.

– Послушайте, ведь нельзя ожидать здесь чуда целую вечность. Смиритесь с этим. Примите это как оно есть. И живите... Живите дальше.

– Жить?! Жить дальше с этим?! Как ты это себе представляешь? Объясни! – протестовал Уильям.

– Давайте сделаем так. Мы отправим вас домой. Находиться вам здесь более времени не пойдет на пользу никому. Ваши предложения о помощи мы рады принимать, но, учитывая операцию на руке, тяжёлый физический труд вам опасен. Швы могут разойтись. У нас и так врачи сутками не спят и медицинских препаратов у нас нет в излишке. Я это к тому, что мы не сможем каждый день вам по-новой проводить операции. Не шуточно. Пришла заявка на поиски из

Сан-Антонио, на поиски вас и вашей семьи. Мы знаем, где ваш дом.

Вы не беспокойтесь: мы обеспечим вам дорогу, пищу и путевые издержки. Всё будет сделано в лучшем виде,— многообещающе доводил доброволец.— Давайте сделаем это!... Там вы вылечитесь, отдохнёте, развеетесь, успокоитесь, возможно... Что скажете?

Уильям повернулся к нему спиной и посмотрел куда-то вдаль. После нескольких минут молчания, доброволец услышал ответ на его предложение.

— Знаешь,— произнёс Стивенс уже спокойным голосом,— говорят, что твой дом там, где твоя семья. А если моя семья под этими руинами, то и моё место здесь... А может моё место тоже под руинами... Не знаю... Оставь меня...

— Тогда крепись!...— сказал доброволец, похлопав Уильяма по плечу, и, поняв, что не сможет его переубедить, пошёл назад.

Уильям опять остался один. Один в этой пустоши. Один со своей проблемой. Он не заметил, как стало кругом безлюдно. Все разошлись, увидя надвигающиеся черные дождевые тучи и не видя смысла продолжения поисков в таких условиях. Уильям Стивенс остался один на один с полным разрушением и природной стихией; один на один с самим собой; один на один с «великим присутствием». Визуально это «присутствие» невозможно было заметить, но можно было почувствовать сердцем. Уильям почувствовал и ужаснулся.

Начал лить дождь. Он с каждой минутой усиливался, но это ни чуть не пугало пострадавшего. Он не собирался прятаться, скрываться от дождя. Ему было всё равно: намочиться он или нет, вскроются ли раны под тяжестью мокрых бинтов или же этого не произойдет. Уильям не чувствовал ни дискомфорта, ни боли в травмированной области, но он чувствовал сильнейшую боль души. Она выла. Она стонала и разрывалась на куски.

В отчаянии Уильям бросился к груди камней и начал их расталкивать в разные стороны. Он хотел найти тех, кто остался под ними и были ему дороги. Но силы у него были уже не те... Острые выступы резали ему ладони. Руки не всегда могли поднять или оттолкнуть, поскольку скользили по мокрым булыжникам. Сам он был промокшим до нитки и не состоянии делать что-либо дальше. Уильям в бессилии упал на колени, устремив свой взгляд в серое, неприветливое небо, и дико завопил:

– Бог!!! Сделай же хоть что-нибудь!

Тут же он пал ниц, стал кричать, плакать, быть кулаками о землю. Но эти все усилия никак не сдвинули что-либо с мертвой точки. Наконец, он просто сдался. Он сдался. Горе ломало его гордость.

«А человек может довольно таки не всё, а ничего... Ничего... Ничего...» – осознал атеист.

Его крики были услышаны людьми из лагеря. Вскоре к нему послали двух крепких парней, чтобы они привели его

обратно. Те послушно выполнили просьбу и долг, не смотря ни на погодную неприветливость, ни на состояние пути.

На следующий день Уильям проснулся в палатке с сильной головной болью и с вопросами, нарастающими как опухоль.

К чему я стремился? К чему так упорно шёл? Почему был так слеп? Как теперь быть? Как дальше жить? И стоит ли вообще жить?

Он вспомнил и о своих родителях, их слова, своё поведение, свои поступки, и груз на плечах утроился. Ему было очень тяжело сейчас. Его душа жаждала утешения, но нигде и никак не могла найти. Эта горечь повалила Уильяма снова на землю, снова на колени. Он плакал и каялся, просил у Господа веру, прощение и помощь, которые раньше презирал. Мольба не была многословной, но лилась из утомленного сердца.

Прошло около сорока минут и молитву раскаявшегося грешника прервали радостные крики:

– Вы должны это увидеть! Спешите сюда!

– О, это просто невероятно!

– Mas rapido! (с.исп.– Быстрее!)

Люди поспешили к указанному месту. Там вскоре собралась большая толпа. Разведав, что стряслось, кто-то смеялся, кто-то в восторге тихо лил слезы.

– Погодите! Погодите!– громким голосом пытался утихо-

мирить хлынувшую толпу один из спасателей, который и нашёл этот предмет всеобщего удивления.— Прошу, не подходите близко! Нам нужен мистер Стивенс. Я знаю, что он должен быть где-то здесь. Кто-нибудь, помогите нам и приведите его.

Оказалось, что среди пришедших его не было, поэтому за ним послали в лагерь.

— О, мистер Стивенс!— воскликнула обрадованная находкой медсестра. Она нашла его в одной из палаток таким же, каким мы видели его в последний раз.— Мистер Стивенс, вас зовут. Вы непременно должны идти.

Лицо ее выражало огромную радость. А голос! Он свидетельствовал о великом. Сама сцена дышала свежестью и надеждой, которую так долго ждали.

Уильям тут же встал и пошел

— Мистер Стивенс уже здесь!— сказал кто-то ожидавшему его спасателю. Последний быстро отыскал его и, подойдя, сказал серьёзным и воздержанным голосом:

— Мистер Стивенс, я Роб Масер, возглавляющий команды спасателей 058. Пройдите за мной. Вы должны это увидеть.

Уильям послушно последовал за ним через всю толпу. Наконец, они добрались до перегородки, состоящей из установок с желто-черной лентой, орогодившей проход зрителям. Переступив через неё, они подошли к группе медиков, спасателей, которые упорно работали.

— Подойдите поближе,— снова обратился к Уильяму его

проводник.

Подойдя, он увидел того, что не ожидал ни он и ни один человек этой местности. Перед ним одиноко торчали раскопанные дверные перекладины. Учитывая то, что члены службы спасения не находили ничего целого или живого в этих развалинах, то это диво достойно было восхищения.

Вскоре выяснилась причина усиленной и кропотливой работы медработников: они аккуратно и нежно доставали с порога бывшей двери маленькие свёртки пелёнок, которые то извивались в недовольстве, то просто, скривившись, хныкали от оказанного беспокойства. Это были выжившие малыши! Их там было девять. Всех их вытянули и оказывали им помощь. Как ни странно, но все они были целы-целешеньки и только один имел небольшую травму, которая никак не мешала бы ему жить дальше полноценной жизнью.

Когда подняли с порога последнего, то заметили на нём ещё что-то. Это был кусок ткани и как оказалось, женская накидка. У Уильяма сжалось сердце. Он узнал её. И он узнал бы её среди тысячи подобных.

– Стойте! – закричал Уильям. – Отдайте мне это! Отдайте!

Фельдшеры, которые её достали переглянулись, недопонимая, друг на друга, но получив разрешение спасателя, выполнили просьбу.

Уильям Стивенс буквально вырвал из рук медика эту накидку. О, сколько с нею было связано! Он её обнимал, прижимал к лицу, к глазам...

– Это её запах!– выкрикнул он, жадно обнимая шаль.– Это её запах! Запах моей жены! О, Гертруда!– от эмоций, переполнявших его, он опускался на землю.– О, Гертруда! Её больше нет! Она погибла!... Погибла под этими камнями!... Почему? Почему -у? – его плечи содрогались от рыданий. Он лил слезы в этот платок. – И ребенок! Я ждал его! Я ожидал, что у меня когда-то будет счастливая семья... И, когда я буду приходить уставший с работы, то меня будут встречать и обнимать маленькие рученьки! Разве я многого желал?!... Но нет! Всё пропало! ... Господи! Господи! – почти шепотом взмолился он.– Я о многом сожалею!... Прости! ...

Все члены спасательной группы, медики и собравшаяся толпа не смели произнести ни звука. Они с сочувствием и болью смотрели на страдающего, и в полной тишине ждали, когда Уильям сможет немного успокоиться.

– Чудеса случаются! Неправда ли, мистер Стивенс?-тихо спросил у него Роб, искренне разделяя его печаль и желая ободрить.

– Да...– согласился Уильям, ещё не выпуская из своих объятий накидку. Больше слов у него не нашлось.

– Но я вас сюда пригласил не только для этого,– продолжал первый. – Я хотел вам задать один вопрос. Возможно, он покажется вам слегка странным на первый взгляд,– сказал он, отводя своего собеседника в сторону.

– Я слушаю вас,– сказал Уильям.

– Как вы поняли, спасение этих десяти новорожденных

явно не слепая случайность...

– Простите, вы сказали десять? Я услышал от фельдшера число девять, – перебил его мистер Стивенс.

– К этому я и веду, – объяснил спасатель. – Мы выяснили, что все эти малыши, которых вы видели, отказники. На их ручках не прикреплены бирки с именами и фамилиями отца и матери, и с датами рождения. Данные этих деток ведутся в отдельном журнале.

– Если вы хотите меня утешить, то не стоит. Я уже начинаю смиряться с мыслью о потере моих близких, – умоляюще произнёс Уильям, чувствуя, как прежние эмоции возвращаются к нему при одном только напоминании.

– Вовсе нет, – ответил его оппонент. – У того самого, десятого, которого вы пока не видели, обнаружен этот ярлык. Хотя ребёнок находится рядом с мамой, в первые часы после рождения ему обязательно прикрепят бирку на случай, если случится неотложное состояние матери или самого новорожденного. И теперь я задам вам один вопрос: как звали вашу жену?

– Что? – переспросил Уильям, как будто пробужденный от сна этим вопросом.

– Как звали вашу жену? – повторил тот.

– Гертруда, – с настороженностью ответил Уильям. – Гертруда Стивенс.

– Она взяла вашу фамилию?

– Да. Но к чему это?

– На бирке того самого десятого малыша напротив «Имя матери» написано: Гертруда Стивенс, а напротив строки «Имя отца» – Уильям Стивенс. Ваш сын жив! – с торжеством объявил он, подав знак одной из медсестер.

Адресат этого объявления никак не мог сложить это у себя в голове и в оцепенении ожидал прояснения. Его сердце чуть ли не вылетало из груди. Ему казалось, что стук настолько силён, что его уже слышит даже Масер.

Через минуту появился медработник, а на её руках в термоодеяле было крошечное дитя.

– Это ваш сын! – сказала она, как будто вторила своими коллеге. – Возьмите его на руки. О, если вы не возражаете, то давайте укутаем его в эту шаль. Так мальчику будет уютнее. Не правда ли? – предложила она. Отец ничего против не имел. Медицинская сестра живо запеленала младенца и передала сына папе.

Уильям Стивенс бережно и нежно принял этот груз. Ему не верилось, что он сейчас держит на руках своё чадо, что вот тот момент, которого он так долго ждал и уже был уверен, что не случится. Теперь он чувствует его, видит его глаза (они совсем как у мамы). А этот крошечный носик! Эти щёчки! Это же и вправду маленькое чудо! На лице Уильяма одновременно появились и улыбка и слезы.

«Мой сын! – ликовало отцовское сердце. – Мой сын!»

– Вот и доктор Холден! – объявил спасатель Уильяму, обратив его внимание на человека со строгой «докторской» на-

ружностью. – Он обследовал спасшихся, – объяснил он молодому отцу. – Здравствуйте! Здравствуйте, доктор Холден! – поприветствовал Роб врача.

– Здравствуй, – ответил доктор и они пожали друг другу руки.

– Вы закончили уже свою работу? – поинтересовался спасатель.

– Да, мой друг. Это на редкость удивительный случай. По правде говоря, ни в моей практике, ни в практике моих коллег, никогда не бывало такого.

– Кстати, спешу вас познакомить: это отец того мальчика, которого вы первым осматривали, Уильям Стивенс, – сказал он, представляя доктору счастливого человека рядом. Последний, здороваясь радостно кивнул ему. поприветствовать его так же, как и человек, которому он был обязан этой великой вестью, он не мог, поскольку руки его были заняты столь драгоценной ношей. Доктор с вежливостью и пониманием ответил ему тем же поклоном.

– Я очень рад за вас! – сказал он Уильяму.

– Какой же вывод вы сделали, док? Как же можете объяснить обстоятельство, что новорожденные могли продержаться без еды, воды и материнского тепла целую неделю, переживая при этом холодные дождливые ночи? – продолжал спрашивать член спасательной группы.

– Затрудняюсь в точном ответе, – сказал доктор Холден, опустив свой взгляд вниз, – но думаю, что разгадка кроется в

том, что полное отсутствии еды привело к потере аппетита. Остальное же, – он поднял глаза на Уильяма, – это чудо!

Далее последовало молчание.

– Доктор! Доктор Холден! Не могли бы вы уделить здесь минутку, – медика отозвали к палаткам и он, извинившись, удалился.

«Это чудо! – повторил про себя Уильям, умиленно глядя на своего ребёнка. – Это чудо! Чудо среди развалин! – он прижал его к своей груди, где что-то происходило. – Мой маленький Хуан! (значение имени Хуан – «Данный Богом») ... Чудо среди развалин моего сердца! – с этими словами Стивенс поднял свой взор к небу. Он питал к нему глубокую благодарность и признание. Оно и прежде было над Уильямом, но сегодня для него оно было особенно близким и особенно прекрасным.

XIV

Обстоятельства после этого спасения сложились как нельзя лучше. Никто из найденных не остался брошенным; у всех появились любящие семьи.

Как в будущем сложилась жизнь у Уильяма Стивенса вы, наверное, догадались. Он прожил долгую и радостную жизнь с Богом, с сыном и в служении. Каждый год 19 сентября было проведено в слёзных молитвах, а 26 сентября – в молитвах ликования и благодарности. Уильям знал, что у Господа

ничего не забыто, и был уверен, в раю вся их семья и многие другие семьи смогут воссоединиться пред лицом великой милости Божией.

После кончины этого дорогого старика, мистера Стивенса, его сын, Хуан, уже взрослый, семьянин, отец четырех детей и служитель в одной из христианских общин, прочёл однажды в личном дневнике своего отца следующее.

«Атеизм исчезает после хорошей встряски в самолёте, самолёте жизни. Благо, что он летает под Небом».

Историческая справка

19 сентября 1985 года в Мехико произошла катастрофа. Мощное землетрясение смело город ровно в 7:18 магнитудой 8,1 по шкале Рихтера, и 7,1 на следующий день. По некоторым подсчетам там погибло около 10 тысяч людей, 30 тысяч получили серьезные ранения, 250 тысяч остались без крова и 900 тысяч вынуждены были проститься со своими домами. Основной удар пришелся на район Мехико, где находились больницы и родильные дома. Причиной послужил разрыв в тектонической плите Кокос. Бедствие повергло весь мир в трепет. Это землетрясение стало одним из самых трагических в истории Америки.

Через неделю активных поисков погибших, спасатели нашли десять малышей, которые оказались целыми и невредимыми. Этого никто не мог объяснить и понять. Доктор Хол-

ден (слова которого включены в рассказ), обследовавший их после спасения, ничего не мог заключить логично обоснованного, кроме: «Это чудо!»